

УДК 323.2

**ВЛАСТЬ СИЛЫ И СИЛА ВЛАСТИ
(О ЗНАЧЕНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ В ГЛОБАЛЬНОЙ
ДИПЛОМАТИИ США И ДРУГИХ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ)**

© 2010 г.

А.О. Колобов

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

fmo@fmo.unn.ru

Поступила в редакцию 04.06.2010

Рассматриваются актуальные вопросы использования Соединенными Штатами Америки и другими великими державами специальных операций для достижения своих внешнеполитических целей. Анализируются как сложившаяся практика применения спецопераций и их место в глобальной дипломатии США, так и опасности такого американского подхода применительно к России.

Ключевые слова: специальные операции, глобальная дипломатия, государственный интерес, валютный режим, монетаризм, тайные акции, финансово-экономическое воздействие.

Развиваясь чрезвычайно динамично, США смогли превратить свою мощь в постоянное влияние. Они это сделали исключительно за счет специальных операций, осуществляемых в региональном и глобальном масштабах применительно к международной валютной системе, мировым финансам, экономике отдельных государств и региональным наднациональным организациям. После победы во Второй мировой войне Соединенные Штаты взяли на себя руководящую роль не только в том, что касалось основания новых институтов безопасности, например Организации Объединенных Наций или НАТО, но и создания новых режимов содействия восстановлению экономики, развитию и благосостоянию, например план Маршалла, валютная система Бреттона – Вудса и Генеральное соглашение о тарифах и торговле (ГАТТ). Эти институты и соглашения усиливали мощь Америки – но таким способом, от которого выигрывали все, кто участвовал в этом процессе. Сегодня Соединенные Штаты стоят перед вызовом сделать то же самое [1].

В историческом контексте их действия всегда отличались стремлением экстраполировать силу во всех ее измерениях: организационном, финансовом, военно-стратегическом, экономическом, политическом, культурном, психологическом. Американские правящие круги при этом делали ставку на всевозможные акции, непременно обладавшие и продолжающие обладать прилагательным «специальные». Это касалось многих миссий, предписаний, традиций, которые фактически носили характер военных или военно-ориентированных мероприя-

тий, осуществляемых правительством США повсеместно. Таким образом, сугубо стратегическое их назначение предельно фокусировалось на той особой логике, последовательности и целесообразности, которая непременно присуща военному делу. Некий примитивизм последнего оказался крайне необходим для того, чтобы максимально эффективно отстаивать национальные интересы американского государства в любой точке земного шара и, главное, в любой области применения специальных акций: военной, международной, финансовой, банковском деле, экономике, идеологии, культуры и т.д.

США сумели создать специальные вооруженные силы (Special Operations Forces), управляемые соответствующим штабом (U.S. Special Operations Command) под руководством заместителя министра обороны (U.S. Assistant Secretary of Defense for Special Operations and Low – Intensity Conflict) [1]. Диапазон их действий достаточно широк. В качестве главной цели и самой миссии американских специальных вооруженных сил (СВС) могут быть: чуждые условия, нешаблонные долгосрочные военные операции (unconventional warfare), связанные с осуществлением различных военных и полувосвоенных (военизированных) мероприятий на вражеской территории, территории, контролируемой врагом, или политики чувствительной (politically sensitive) территории, которые предполагают акции противодействия партизанам, а также тайные или частично открытые усилия; прямое действие (Direct action) по уничтожению вражеской цели, захвату персонала объектов,

подлежащих разрушению в процессе реализации стратегических планов путем организации маломасштабных и ограниченных по сроку наступательных действий, рейдов обустройства минных полей, осуществление атак по противнику и другим мишеням с воздуха, суши и моря, при проведении различных диверсий и саботажа на территории врага; специальная рекогносцировка (Special reconnaissance), предполагающая многоуровневое зондирование и сбор всей важной информации о противнике для того, чтобы помочь действующим военным силам в их борьбе с врагом; защита своих интересов на территории противника (Foreign Internal Defense) путем поддержки других правительств в противодействии возможному перевороту, мятежам и незаконности по различным каналам экономического, политического, военного развития и военно-оборонительной технической помощи; контртерроризм (Counterterrorism), направленный на пресечение всевозможных террористических инцидентов при эффективности координации специальных усилий всех заинтересованных учреждений и ведомств; психологические операции (Psychological operations - PsyOPs), обеспечивающие установление норм должного отношения и поведения иностранных правительств, групп, организаций, народов; гражданские дела (Civil affairs), обеспечивающие соответственное отношение всевозможных местных управленческих структур на той территории противника, где осуществляются вооруженные действия специального характера [2].

В комплексе специальные операции осуществлялись правительством США на всем протяжении XX века, имея тенденцию к особому применению в период после окончания Второй мировой войны вплоть до настоящего времени [2]. С 1947 г. их непременно контролирует Центральное разведывательное управление (ЦРУ) [3]. К наиболее удачным акциям последнего относятся: организация государственного переворота в Иране – операция АЯКС 1953 г. (В результате был устранен известный иранский национальный лидер, доктор М. Мосаддык, осмелившийся национализировать Англо-иранскую нефтяную компанию и выйти из-под влияния Великобритании и США) [4]¹; свержение законного правительства Гватемалы в 1954 г. – операция «Эльдиабло», позволившая вернуть «банановую республику» в лоно «свободного мира» [4]; проект «МК-ультра» 50-х – начала 60-х гг. XX века, в рамках которого делалась попытка «контроля за умами» многих стран мира с помощью наркотических веществ [4]; операция «Феникс» 1968 г., на-

правленная на уничтожение политических кадров Национального фронта освобождения Южного Вьетнама и установление контроля над всей территорией страны, подвергнувшейся американской агрессии с помощью южно-вьетнамских спецподразделений (о размахе боевых действий США во Вьетнаме свидетельствует тот факт, что численность находившихся там американских войск достигла 550 тысяч человек. Потери американцев в ходе интервенции составили более 58 тысяч человек убитыми и пропавшими без вести. Для сравнения: это более чем в четыре раза превышает потери советских войск в Афганистане, при том что длительность обоих конфликтов, а также размеры стран, в которых они происходили, примерно совпадают. Следует подчеркнуть, что помимо специальных вооруженных сил США направили во Вьетнам и свыше 5 тысяч сотрудников ЦРУ – оперативников и вспомогательного персонала. Ни до, ни после войны во Вьетнаме ни одна операция американской разведки не знала такой концентрации сил и средств) [4]; операция «Дженифер», связанная с подъемом советской подлодки К-129 с бортовым номером 574 (ПЛ-574), находившейся на боевом патрулировании в Тихом океане и непреднамеренно протараненной следившей за ней американской субмариной «Суордфиш» в 1968 г. (Москва тогда заявила протест, одновременно приготовившись, при необходимости, пресечь реализацию специальных действий противника, направленных на получение сведений о новейших советских технологиях судостроительства фактически преступным путем. В районе гибели ПЛ-574 целых полгода несли боевое дежурство корабли советского ВМФ, получившие приказ не допустить подъема со дна океана оставшейся половины подлодки любой ценой, вплоть до бомбежки всего района. Если силовые действия Москвы были успешны, то дипломатические – нет. Ссылки МИД СССР на то, что подъем судна противоречит международному праву, госдепартамент парировал тем, что о ее гибели не было нигде официально объявлено. Другую претензию Москвы – о кощунственном нарушении военного покоя советских моряков – американцы отклонили на том основании, что тела погибших были перезахоронены по всем советским ритуалам, в доказательство чего они представили пленку, запечатлевшую эту траурную церемонию. Однако, чтобы не накалять отношений с Кремлем, Белый дом принял решение не производить подъем второй половины подлодки. ЦРУ было вынуждено подчиниться этому

решению и, так и не заполучив вожаемые советские шифры, завершить работы по проекту «Дженифер», который, таким образом, хотя и не принес всех ожидаемых результатов, может считаться одной из самых успешных операций американской разведки) [4]; операция «Иран-контрас» середины 70-х – начала 80-х гг. XX века. (Испытывая трудности распространения своего влияния на проамериканские режимы Латинской Америки и Ближнего Востока, специалисты США стремились во что бы то ни стало расширить спектр своих полномочий. Когда в 1981 г. ЦРУ обратилось в комитеты по надзору за деятельностью спецслужб обеих палат Конгресса США с просьбой разрешить финансирование никарагуанских «контрас» с тем, чтобы их руками свергнуть сандинистское правительство, американские законодатели наглядно продемонстрировали невысокий уровень своей «политической грамотности». Вместо того чтобы одобрить ходатайство ЦРУ, они приняли прямо противоположное решение. 27 сентября 1982 г. была утверждена повторная поправка, известная как секретная поправка к Закону о разведке, запрещающая ЦРУ использовать подконтрольные средства «для свержения никарагуанского правительства». А 21 декабря того же года в Конгрессе была принята так называемая «поправка Боланда» (названная в честь председателя комитета по разведке Палаты представителей республиканца Эдварда П. Боланда), которая, собственно, явилась лишь публичным вариантом первой, секретной, поправки. Когда же стало ясно, что президентская администрация продолжает оказывать помощь «контрас», была принята «поправка Боланда-2», в еще более категоричной форме запрещающая финансирование переворота в Никарагуа.

Разумеется, не следует думать, будто благодаря действиям американских законодателей «контрас» были брошены на произвол судьбы. Даже если официальное финансирование никарагуанских контрреволюционеров и запрещено, всегда есть возможность действовать свободными путями. Например, направлять им деньги через третьи страны. Или же организовать «сбор пожертвований». Все это и делалось, однако сотрудники ЦРУ и администрации президента продолжали поиск новых путей решения проблемы. А тем временем в сентябре 1983 г. Рейган подписал секретную директиву, санкционировав тайную операцию по свержению сандинистского руководства Никарагуа. Встал вопрос, как выполнить директиву президента, не нарушив при этом запретов Конгресса?

В этой обстановке и родился замысел операции «Иран-контрас».

Суть этого сложного многоходового плана состояла в следующем. Помимо Никарагуа, перед администрацией США в то время стояла другая неотложная проблема – добиться освобождения захваченных в 1984 г. в Ливане американских заложников, среди которых находился и резидент ЦРУ в Бейруте Уильям Бакли (William Buckley). Похитившие этих заложников исламские фундаменталисты контролировались иранским руководством.

В свою очередь, в Иране к тому моменту сложилась следующая ситуация. Поскольку шахский режим на протяжении 25 лет был верным союзником США, армия этой страны была полностью оснащена оружием американского производства. Вполне естественно, что вскоре после исламской революции в ноябре 1979 г. Соединенные Штаты наложили эмбарго на поставки вооружений Ирану. А между тем последний отчаянно нуждался в оружии и боеприпасах, поскольку вел в это время изнурительную войну с Ираком.

Таким образом, вырисовывалась следующая комбинация. ЦРУ поставляет Ирану необходимое последнему американское оружие. В обмен на это проиранские силы в Ливане освобождают заложников. Далее, вырученные от продажи денежные средства идут на финансирование никарагуанских «контрас».

Понятно, что подобного рода сделка была дважды незаконной, поскольку нарушала как запрет на финансирование «контрас», так и эмбарго на поставки оружия Ирану. Более того, в случае ее раскрытия администрации Рейгана наносился серьезнейший моральный урон. Если нарушение запрета Конгресса на помощь никарагуанским контрреволюционерам еще можно было относительно легко обосновать посредством антикоммунистической риторики, представив последних «борцами за демократию», то оправдать каким-либо образом продажу оружия откровенно антиамериканскому режиму аятоллы Хомейни было просто невозможно.

Согласно официальной версии считается, что организаторами и исполнителями операции были помощник заместителя директора СНБ по военно-политическим вопросам подполковник Оливер Норт (Oliver North), советник президента Рейгана по национальной безопасности Роберт Макфарлейн и сменивший его на этом посту вице-адмирал Джон Пойндекстер (John Poindexter). Однако, поскольку расследование по делу «Иран-контрас» не было доведено до конца, есть все основания полагать, что реально

в операции принимали участие гораздо более высокопоставленные лица, в частности руководство ЦРУ, а также вице-президент Джордж Буш) [4].

Фактически специальные операции из исключения превратились в норму внешнеполитической, международно-финансовой и экономической деятельности США². Все они до распада СССР носили исключительно антикоммунистический характер. Другие страны Запада их практиковали от случая к случаю, при обязательном соучастии США как «старшего партнера», разумеется. Их вклад в разработку теоретических основ специальных операций, впрочем, является весьма значительным [5]. Франция, в частности, располагает достижениями нескольких научных школ относительно роли и места специальных операций в революциях и контрреволюционной борьбе, исходя из своего богатого колониального опыта [5]. То же самое можно сказать о Великобритании и Германии, сумевших создать и практически использовать комплексные, специально обученные вооруженные силы в своей глобально-региональной дипломатии [5]. Китай также концептуально подошел к обоснованию своих специальных действий с учетом идей Мао Цзедуня о современной революции и сопутствующей ей модернизации общества. СССР тратил огромные средства на осуществление широкомасштабных тайных акций в мировом масштабе, финансируя многих своих сторонников и часто намереваясь прямыми действиями вооруженных сил обеспечить себе позиции в стратегически важных регионах планеты [5]. Что касается современной России, то она растеряла все свои преимущества в данной области и сама стала объектом специальных операций превосходящего по силам противника, сумевшего привлечь к антироссийской подрывной деятельности многие международно-финансовые организации, включая Международный валютный фонд (МВФ), Международный банк реконструкции и развития (МБРР), Мировой банк (МБ), а также влиятельные политические силы, сконцентрированные в ООН, НАТО, ОБСЕ, ЕС и т.д. [7].

В своем финансово-экономическом воздействии на современную Россию США максимально используют преимущества, вызванные сильными качественными трансформациями мировой финансовой системы. Если ранее банковский капитал обслуживал потребности материального производства, то сейчас он нужды материального развития игнорирует, приняв откровенно паразитарные формы существования. По различным оценкам, в мировой эконо-

мике на каждый доллар, обращающийся в производственной сфере, приходится от 15 до 20 долларов, замкнутых на чисто спекулятивные финансовые операции [7; 8, с. 5–414]. Поскольку доллар стал мировой валютой, а США располагают огромным ее запасом, то они получили в руки мощнейшее оружие, позволяющее нанести тяжелый финансовый ущерб практически любой стране [8, с. 200–201]. При этом искушение американских правящих кругов сомнительной прибылью столь велико, что те игнорируют возможные опасные последствия своей глобальной спекулятивной валютной экспансии.

«Экономика, основанная на высокоразвитом фондовом рынке, – пишет в этой связи российский исследователь В.И. Скрыпник, – является заложницей объективного разрушительного спекулятивного процесса. Миллиарды долларов могут быть в один день направлены на скупку акций тех или иных компаний или, наоборот, выведены с рынка, что равносильно коллапсу экономики. Вывод: фондовый рынок является абсолютно неприемлемым институтом инвестиций... Хранение сбережений большинства людей мира в долларах США делает из доллара и финансовой системы США самую большую финансовую пирамиду в истории человечества. В случае предъявления хотя бы части накопленных долларов в качестве платежей цены на товары в долларах резко возрастут, произойдет его неуправляемая девальвация. Сегодня в любой момент может произойти одномоментный сброс долларов инвесторами мира. При таком развитии событий доллар США перестанет быть мировой резервной валютой, и в мире установятся многополюсные валютные взаимоотношения. Форвардные договоры на поставку валюты – фактически пари, которые не отражены в балансах и становятся миной замедленного действия под любым банком. Сам факт появления форвардных контрактов между банками свидетельствует о глубоком кризисе современной западной финансовой системы» [8, с. 200–201].

Стремясь во что бы то ни стало преодолеть риск системного валютного краха, правящие круги США фактически действуют методом от противного в своей глобальной дипломатии, наращивая авантюризм, вместо того чтобы вернуть финансово-экономическое и политическое развитие в нормальное русло равноправных, последовательно построенных на принципе справедливости партнерских отношений с другими государствами. По существу, глобальные финансовые махинации выступают в качестве основного источника экономической власти

США. Именно они стимулируют всевозможные специальные операции, ставшие главным средством достижения целей США и их союзников в региональном и общепланетарном масштабах. При этом погоня за прибылью становится основным пунктом агрессии имперских интересов Запада в целом.

«Катастрофические последствия этой небывало возросшей алчности магнатов капитала, – подчеркивает российский исследователь Р. Овчинников, – уже очевидны. Они нашли свое выражение прежде всего в финансовом мародерстве на международной арене, когда сомкнувшиеся ряды стаи финансовых акул грабят целые страны и даже регионы. Азиатский финансовый кризис, грянувший в 1997 г., затем аналогичные кризисы в России и Бразилии – наглядные примеры такого пиратства.

Главное оружие этого международного разбоя – использование колоссальных избыточных прибылей для подрыва валютно-финансовых систем других стран, становящихся его жертвами. Но степень этого авантюризма переходит уже все разумные рамки. Становится ясно, что бешеные деньги, игра ва-банк в рулетку могут в корне подорвать экономику также и наживающихся пока США. Все дело в том, что в погоне за прибылью американские монополии, теряя голову, манипулируют уже даже не реальными средствами, а чисто фиктивным, искусственно надутым капиталом. В результате в экономике США – этого главного казино – разрастаются огромные пузыри, за которыми ничто не стоит, и они могут лопнуть в любое время. Не просто лопнуть, но и увлечь за собой в общий крах, по примеру 1929 г., американскую фондовую биржу.

Наглядным примером оголтелости американских финансовых спекулянтов является поведение новых пираций бизнеса – так называемых хеджинговых фондов. «Хеджинговые фонды» – это номинально «перестраховочные фонды», т.е. такие финансовые институты, которые должны путем двойной подстраховки становиться непотопляемыми. На деле, однако, как признает один из наиболее модных сейчас в США экономистов – П. Кругман в своей книге «Возвращение депрессивной экономики», ничего подобного не происходит. Скорее наоборот.

Данные фонды, подчеркивает Кругман, занимают в высшей степени рискованной «финансовой игрой». Они захватывают в свои руки огромные пакеты чужих акций, в сто раз превышающие их собственный уставный капитал. Это означает, что повышение цены на данные акции всего на 1% удваивает их первоначаль-

ный уставный капитал. Отсюда и проистекает прямо-таки патологическое пристрастие «хеджинговых фондов» к игре на повышение курсов акций, находящихся в их руках. Но именно поэтому указанные фонды могут лопнуть с легкостью необыкновенной. Тем не менее игра с надутым курсом акций в США продолжается, и это, как считает Кругман, создает «машину финансового Судного дня» [9].

Монетаризм, долгие годы бывший главным проводником интересов США на мировой арене, достигает порога своих противоречий, поскольку создает лишь большой объем фиктивных производственных мощностей, навязывая гражданам всего мира излишние и даже вредные для здоровья материальные блага и способствуя созданию опасных субкультур потребления, находящихся под постоянным прессом рекламы, которая диктует стереотипы поведения, не оставляющего времени и сил для духовного развития.

Это осознает даже такой известный финансист и биржевой спекулянт, как Дж. Сорос, отметивший в своей фундаментальной работе «Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм» крайнюю необходимость создания новой глобальной финансовой архитектуры, способной быстро усовершенствовать движение капитала, упорядочить деятельность МВФ, Всемирного банка, ВТО, установить надежные валютные режимы, широко распространить использование новейших кредитных инструментов, повысить эффективность хеджинговых фондов и банковского регулирования [10].

Данный концептуальный конструкт напрямую увязывается с теми глобальными политическими механизмами, которые должны непременно возникнуть в результате реорганизации всей системы международных отношений.

«Я, – пишет Дж. Сорос, – утверждал, что мы не можем создать глобальную экономику без глобального общества. Но как идею глобального общества можно примирить с идеей национального суверенитета? У государств есть лишь интересы, но нет принципов. Как же заставить их блюсти общие глобальные интересы? Это возможно только в том случае, если граждане демократических государств будут оказывать на свои правительства известное влияние, заставляя их действовать в соответствии с потребностями глобального общества.

Я предполагаю демократическим государствам мира образовать альянс с целью создания глобального открытого общества. Альянсу предстоит решать две взаимосвязанные задачи: способствовать развитию открытых обществ во

всем мире и создавать определенные правила и институты, которые регулировали бы поведение государств по отношению к их собственным гражданам и друг к другу. Это грандиозный проект, и его можно было бы считать утопическим, если бы не самое главное свойство открытого общества – признавать ограничения, накладываемые действительностью. Идеальных решений не бывает, и мы вынуждены довольствоваться приближением к ним в результате длительного процесса проб и ошибок. Да и сами эти решения зависят от обстоятельств времени и места. Прежде всего нам необходимо помнить, что поступки, вызванные добрыми намерениями, часто приводят к незапланированным негативным последствиям. Это особенно верно в отношении внешнего вмешательства. Когда одни люди пытаются силой навязать другим свое понимание абсолютной истины, результатом зачастую становятся религиозные, идеологические или социальные конфликты, которым не видно конца. Так было во время Тридцатилетней войны. Этой опасности можно избежать, если положить в основу международной политической архитектуры принципы открытого общества. Открытое общество опирается на признание того, что абсолютная истина нам недоступна. Мы должны научиться уважать разные интересы и точки зрения, и найти средства, которые бы позволили всем людям жить в мире.

Создание глобального открытого общества неизбежно потребует внешнего вмешательства во внутренние дела суверенных государств. Как из принципа подверженности ошибкам, так и из принципа суверенитета (которым мир руководствуется сегодня) следует, что такое вмешательство должно быть не насильственным, а конструктивным. Вмешательство должно производиться не для того, чтобы кого-нибудь покарать, а для того, чтобы предотвратить кризис. Чем раньше начинается подобная антикризисная профилактика, тем лучше, однако на ранних стадиях бывает невозможно определить точки потенциальных конфликтов. Лучший метод предотвращения кризисов состоит в том, чтобы способствовать развитию открытых обществ по всему миру. При этом политическое развитие должно идти рука об руку с экономическим. Эту позицию хорошо выразил Амартия Сен, определяя развитие как политическую свободу. Я считаю, что концепция открытого общества могла бы стать руководящим принципом в сфере международных отношений, но чтобы быть действенной, абстрактная идея должна быть конкретизирована. Однако составление предварительной схемы открытого общества противо-

речит самим принципам открытого общества, и потому такая попытка была бы заведомо обречена на неудачу. Открытое общество не может быть выведено из неких базовых принципов: оно должно создаваться людьми, которые в нем живут (Amartya Sen. «Development as Freedom». New York: Alfred A. Knopf, 1999)».

Тактику построения открытого общества каждому обществу и каждой эпохе следует разрабатывать самостоятельно. Глобальное открытое общество должно быть создано совместными усилиями открытых обществ всего мира. Именно это я и предлагаю» [10].

Вышеизложенное подчеркивает крайнюю важность для всего человечества кооперативных усилий по достижению стратегической стабильности. При этом, власть силы должна быть не повсеместной, иначе инициатива саморегулирования различными странами и народами сложных процессов в мировой динамике будет подавлена, а это, в свою очередь, чревато глобальной катастрофой для всего человечества.

Примечания

1. Из громадного массива американской и зарубежной в целом литературы о специальных операциях ЦРУ наиболее значительным трудом является монография эксперта исследовательской службы библиотеки Конгресса США Джона Прадоса (Prados J. President's Secret Wars: CIA And Pentagon Covert Operations Since World War II. – New York: William Morrow & Co, 1996). На русском языке важные материалы о деятельности ЦРУ скомпонованы в книге петербургского исследователя И.В. Пыхалова. Спецслужбы США. СПб.: Издательский Дом «Нева»; М.: «ОЛМА Пресс», 2002. С. 135–139.

2. Подробнее см.: [3].

Список литературы

1. Даальдер И. Линдсей Дж. Развод или новое начало. Трансатлантические отношения на переломном пункте // Internationale Politik, Bonn, № 3, 2003. С. 15–17.

2. Cuddihee M. Schmidt J. Special Operation Forces – Responsible, Capable And Ready. (Maxwell Airfare Base, Alabama: U.S. Air war College, 1990). P. 104; Locher III.J., Assistant Secretary Of Defense For Special Operations And Low Intensity Conflict, And Stiner C., General, Commander-in – Chief, U.S. Special Operations Command, United States Special Operations Forces. Posture Statement 1993. Washington D.C.: DOD, 1993. P. 5.

3. Cimbala St. Politics Of War Fare. The Great Powers In The Twentieth Century – University Park: The Pennsylvania State University Press, 1997, chapter 6 «Intelligence And Foreign Policy», chapter 7 «Special

Operations And Unconventional Warfare», chapter 8 «Military Persuasion». P. 105–167.

4. Документы см.: Inside CIA's Private World. Declassified Articles From The Agency's Internal Journal, 1955–1992: Selected and Edited by H. Bradford Westbied – New Haven and London: Yale University Press, 1995, VII (3) – 483; CIA War Records. The CIA Under Harry Truman. Editor Michael Warner. History Staff Central Intelligence Agency. Washington D.C., 1994. P. IX–XLI; 1–472.

5. Paret P. (Ed.) Makers Of Modern Strategy: From Machiavelli To The Nuclear Age. Princeton, N.J., 1986. P. 815–862, etc.

6. Баррон Дж. КГБ Сегодня. Невидимые щупальца. СПб.: Петрополис, 1992. 478 с.

7. Арин О.А. Мир без России. М.: Эксмо, 2002. С. 7–460; Морозов С.Б. Заговор против России сегодня. М.: Алгоритм, 1999. С. 5–267.

8. Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Глобальная империя Зла. М.: Крымский мост – 9Д, Форум, 2001.

9. Овчинников Р. Казино должно прогореть. Авантюризм США в мировой экономике // Правда, 19–25 ноября 1999 г.

10. Сорос Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. Пер с англ. М.: Некоммерческий фонд «Поддержка культуры, образования и новых информационных технологий». 2001. Глава 10 «Новая глобальная финансовая структура». С. 343–388.

THE POWER OF FORCE AND THE FORCE OF POWER (THE USE OF SPECIAL OPERATIONS IN THE GLOBAL DIPLOMACY OF THE USA AND OTHER GREAT POWERS)

A.O. Kolobov

This article discusses current issues concerning the use of special operations by the United States and other great powers to achieve their foreign policy goals. The established practice of special operations is analyzed, along with their role in the global diplomacy of the United States, and the threats that such operations pose towards Russia.

Keywords: special operations, global diplomacy, state interests, currency regime, monetarism, covert actions, economic impact.